

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Москва, комсомолец - 2001 - 10 ноября - в. 2.

Трех месяцев не прошло с рождения дочери Ульяны, как молодая мать с головой погрузилась в работу. Она пропадает на съемочной площадке до двух часов ночи. В проекте "Небо. Самолет. Девушка" — римейке знаменитого фильма Георгия Натансона "Еще раз про любовь" — Рената Литвинова выступает сразу в трех качествах: сценариста, актрисы и продюсера. Под проливным дождем ее трясет от холода, но она играет и продюсирует. Играет, а потом снова продюсирует.

— Рената, вы часто выходите из дому совсем без косметики?

— Так как у меня появился ребенок, то в последнее время очень часто, даже слишком часто. Я говорю "слишком", потому что без раскраски ты выходишь на улицу как бы в беззащитке. Но я уже не успеваю глаза подводить.

— Вам уютно в вашем съемочном костюме — в черном пальто, в пуховом платке? Я слышала, что вы любите простую, практически пролетарскую одежду тех лет.

— По-моему, тогда был очень красивый период. В нем присутствует ощущение качества. Я вообще считаю, что великий стиль в моде умер в начале 60-х. Дальше уже пошли повторы, повторы и самый гной.

— У вас есть любимые элементы костюма?

— В принципе, чтобы быть элегантной, нужно иметь черную юбку и черный свитер — все. Остальное решают только детали: обувь, сумка. Как мне сказал Хамдамов, которого я считаю гением: у вас может быть ошибка в лице, но никогда не должно быть ошибки в сумочке. Очень смешно, но очень точно. Он произнес эту фразу, когда я появилась с какой-то сумкой из змеиной кожи, что на самом деле не есть хорошо. Я снималась у Рустам в фильме "Вокальные параллели", но, к сожалению, пока нет денег на монтаж и озвучку картины.

— Татьяна Дорониная действительно одна из ваших любимых актрис?

— Я ее обожаю! Обожаю! И представьте, сейчас я играю ее роль в римейке фильма "Еще раз про любовь", в основу которого легла пьеса "104 страницы про любовь" Эдварда Станиславовича Радзинского, моего любимого, такого друга, соратника. Я была просто влюблена в эту пьесу, мне казалось: боже, какая потрясающая роль! А теперь все вот так закрючилось. Пятого ноября был первый съемочный день, а уже шестнадцатого мы планируем закончить. Наш фильм называется "Небо. Самолет. Девушка" — правда, красивое название! Конечно, роль я переписала, постаралась все-таки сделать ее немножечко иной. И пьеса тоже переписана. Даже главных героев зовут иначе — Лара и Георгий.

— То есть весь сценарий — ваш?

— Нет. Все равно это — комната Эдварда. Он такой потрясающий человек оказался! Я вообще поняла, что люди, которые сделали выдающуюся карьеру в жизни, — они на самом деле очень высокого качества люди. То же самое я почувствовала, когда столкнулась с гением — Нонной Викторовной Мордюковой. Я считаю, что Мордюкова — настоящий гений. Хотя она настолько нереализована, настолько мало ее использовали... Нонна Викторовна снималась в моем фильме "Нет смерти для меня", и я с ней очень подружилась после этой картины. Мне кажется, она там сделала чуть ли не самую лучшую свою роль в кино. Когда я посмотрела материал, у меня побежали мурашки по коже. Нонна Викторовна на пленке — ну просто бриллиант. Она пришла в мой фильм, и он стал шедевром. Наверное, звать нескромно, но шедевр не то, что сделала я, а то, как она сказала свои монологи. Я перед ней на коленях.

— Другие участницы картины могли на вас обидеться!

— Татьяна Кирилловна Окуневская так меня потрясла своими интервью после выхода фильма... Еще до первого показа картины мы всем участникам послали кассеты, они их посмотрели. И Татьяна Кирилловна ничего мне не сказала в лицо. Удивилась только: "Зачем так много Мордюковой? Это же скучно". Все остальное я прочитала уже в газете.

— Чем конкретно она была недовольна?

— Не знаю. Честно сказать, со мною так часто плохо поступали журналисты, я знаю, как это противно. Поэтому у меня было условие: не поступать так со своими коллегами. Я разворачивала монитор в сторону каждой из героинь, все актрисы видели, как они получают на пленке. Ничего нечестного не было. У нас была картина с очень маленьким бюджетом, но тем не менее всем участникам мы платили гонорары за съемки. То есть я поступала с ними так, как я хотела бы, чтоб поступали со мной. И поэтому мне было вдвойне обидно. Для меня стало большой новостью, когда в каком-то интервью она сказала, что я шизофреник. Понимаете, долгое время я с Татьяной Кирилловной если не дружила, то во всяком случае очень открыто общалась, безо всяких защитных устройств. А потом вдруг человек говорит тебе через газету, что ты

ВЛАДИМИР КИЛИЧЕВ

шизофреник. Как же тогда вы столько времени со мной общались? Я что, была не шизофреник?

— Рената, а правда, что до съемок у Кир Муратовой вы считали себя уродом?

— Я никогда не казалась себе фотогеничной. Более того, когда я училась во ВГИКе, какой-то оператор, снимая меня, сказал: "Кошмар, какое нефотогеничное лицо!" Хотя многие известные режиссеры уже тогда предлагали мне сниматься, но я всегда отказывалась. Меня подманила только Кира Георгиевна.

— Чем она вас подманила?

— К ней существовал дикий пиетет. Кира Георгиевна человек неординарный, одна из самых умных и ярких женщин, которых я встречала. И она, конечно, оказалась на меня очень сильное воздействие. И многому меня научила.

— Вам нравится, как она сказала про вас: "Рената — красавица и чудачка"?

— Мне самой нравится чудачка. Хотя слово довольно неоднозначное. Из уст Кир — это комплимент, а кто-то другой, может, вкладывает в него нечто оскорбительное.

— А вы с детства ощущали себя такой вот чудачкой, своеобразной и необычной?

— У меня очень долго была теория, что мои комплексы меня и породили. С одной стороны, я чувствовала неуверенность, но с другой — маниакально, иступленно была уверена в чем-то. Это можно сравнить с мячиком, окрашенным с двух половинок разными цветами. Например, на сценарном факультете ВГИКа мне все твердили: "Так же не пишется по-русски!" А сейчас самые знаменитые писатели говорят: "Ты ни в коем случае не должна менять свой стиль, потому что это — ты. Тебе нельзя писать правильно". Я помню, как часами сидела со своим профессором, и она красными чернилами вычеркивала предложения, а я каждую фразу отстаивала. На выпускных экзаменах одна редакторша спросила: "А вы вообще говорите по-русски?" Они решили, что перед ними подстрочник. И только один человек — наш замечательный сценарист Григорьев — встал и сказал: "Я считаю, что это — шедевр". То есть меня все время пытались изогнуть. И наверное, если бы я не была уверена, то могла бы потеряться. Так студенты в театральных институтах проходят школу Станиславского, и в результате все говорят одинаково, неинтересно.

— Но существует слух, что в свое время в роли Станиславского для вас выступил Валентин Гнеушев. Якобы именно он поставил вашу неповторимую манеру речи: "Рената, раз у тебя есть ак-

Когда Рената Литвинова появилась в "Увлечении", даже самые убежденные противники творчества Кир Муратовой признали: нарисовалось явление. Когда Рената обосновалась в "Намедни", все ругали Парфенова: кто такая эта фифа с кровавыми губами и кошачьим голосом?! Никто не мог воспроизвести ее слов, но образ впечатался в память, как красная помада — в белый воротничок. Сначала многим казалось, что она швыряет вызов. Изгаляется от скуки. Ее коржит жажда эпатажа. Но Рената смыла помаду с губ, отклеила накладные ресницы... И ничего не изменилось. Так же тягуча ее речь, так же завораживающе-великолепны ее странные тексты, так же пленительно лицо. Стало ясно, что девушка ничего не придумывала специально: с этим надо родиться. В ней удивительно сочетаются консерватизм и новаторство, холод и секс, кровь и рафинад.

Своим привычкам и любимым духам верна, как Пенелопа. Черному, красному и белому — тоже. И каждый раз удивляется, оказывается разной.

ИНТЕРЕСНАЯ ЧУДАЧКА

Рената ЛИТВИНОВА:

"Муж меня не глушит, как рыбу на Дунае"

цент, твоя гласные, и это станет твоей фишкой".

— Нет, ну что вы! Если бы вы знали меня ближе, то поняли бы, что это всего-навсего слух. На самом деле акцент тут абсолютно ни при чем. Просто существуют вещи совершенно непобедимые, они в тебе есть, и ты не можешь от них избавиться. Я говорила так всегда, и все тут. Хотя Валентина я считаю очень талантливым человеком. Мне печально, что у него не все складывается соразмерно его таланту.

— Но он действительно впервые вывел вас в столичный свет или это тоже слух?

— Ну как меня можно было вывести в свет — не понимаю!

— Никто ведь толком не знает, откуда вы родом — из Москвы или из другого города. Вы никогда об этом не рассказывали.

— Да. Мне даже кто-то сообщил удивительные сведения: в Интернете написано, что я из Питера. На самом деле я родилась в Москве.

— Вас дразнили в школе?

— Меня дразнили "телебашней", потому что я была очень длинная по сравнению с нашими мелкими мальчиками. Бедные высокие девушки, они все начинают сутулиться. Какое счастье, что я не коротенькая. А эти дураки говорили: "телебашня!"

— А как вы относитесь к тому, что ваши интонации уже стали предметом для пародии? На "Нике" я наблюдала сцену, как вас изображал Максим Галкин. А потом вышли вы, начали говорить, и зал лег от хохота — до того похоже. Что вы чувствовали? Растерялись?

— Знаете, я тогда была на последних месяцах беременности... Я просто чуть-чуть ему подыграла. По-моему, он очень талантливый человек, поэтому я вышла и вдобавку усилила эффект. В конце концов, когда ты участвуешь в шоу, все должно быть нескучно.

— Некоторое время назад у вас с Кири Муратовой начинался совместный проект, который продюсировал ваш бывший муж, Александр Антипов. В итоге вы с Муратовой разошлись. Надеюсь, это было расставание, а не разрыв?

— Не он один был продюсером... А с Кири действительно произошло расставание. Но я из всех мину-сов всегда пытаюсь извлечь плюсы. Очень жалко, что тот замысел не состоялся. Но сейчас Кира Георгиевна собирается делать большой проект по Чехову, скоро начнутся съемки. Недавно она приезжала в Москву, мы даже пробовали одну роль: нужно было играть такую террористку-наркоманку в церкви. До этого она предлагала мне написать для нее сценарий, но я отказалась, потому что была беременна и не могла поехать в Одессу. И Кира сама вместе со своим мужем его написала. Мы стали пробовать роль, а потом она мне сказала: "Я хочу, чтобы получилась совершенно отвратительная женщина, наркоманка-пьяница, чтобы она каталась по полу". То есть она меня просто пошадил в данном случае — я не буду играть эту роль. Может, когда-нибудь еще и что-то попрекраснее.

— Почему вы так скрываете, за кого и как вы вышли замуж в январе? Почему все покрыто тайной, кроме имени вашего избранника — Леонида?

— Я считаю, что это большое достоинство, когда ты не на виду. Наверное, есть люди, которым любая публичность идет впрок. А у меня такие разговоры как будто кусок мяса вырывают. Вот я сижу, с вами разговариваю и чувствую себя естественно. Но когда меня начинают спрашивать про мужа, вся естественность кончается. Мужа я бесконечно уважаю и люблю — до такой степени, что считаю с

его пожеланиями. А ему чуждо любое появление в прессе, и я не хочу его никак травмировать.

— У многих наших звезд есть похожая формулировка для прессы: таинственный муж-бизнесмен, который не хочет нигде светиться. Но очень часто такой "инфернальный супруг" полностью контролирует слова и поступки жены, чуть ли не правит ее интервью. В вашей семье допустима подобная ситуация?

— Он настолько умный человек, что такие вещи со мной не делает. Слава богу! Он со мной считается, и это его дикая мудрость. Иметь рядом с собой такого мудрого мужчину, который тебя не глушит, как рыбу на Дунае, — огромное счастье. Потому что творческий человек никогда не сможет прижиться рядом с гнетом, ему нельзя мешать. Ведь то, что мне, например, дано, — это не моя заслуга. Может быть, какие-то высшие инстанции наделили меня некими полномочиями, чтобы я что-то в жизни сделала. Я должна себя реализовать, это просто неотъемлемый процесс. Я, как маньяк, хочу сделать так много! Пока что меня распирает.

— Вы когда-то обронили фразу: "Когда я стану благополучно-счастлива, для меня все закончится". Она и по сей день актуальна?

— Когда все очень хорошо и у тебя ничего не болит, творчество отпадает. Всегда должно что-то болеть. Мне действительно не нравится жирное благополучие. Такое уныние наводят все эти сумочки "Шанель", которые подходят к туфелькам, — я бы удавилась. Скучно, я не могу так жить, мне нравится работать. Хотя, может, впереди и существует некий покой. И когда-нибудь я наконец начну более уравновешенную жизнь, потому что на свете есть такая роскошь, как дети. Это же потрясающая роскошь — иметь детей! Раньше я этого не понимала. Никогда не поймешь, пока не родишь.

— Что изменилось вокруг и внутри вас, когда вы стали мамой?

— Первая мысль, которая у меня возникла после рождения Ульяны, — немедленно родить второго. Вы себе не представляете, какое это удовольствие, когда у тебя есть ребенок! Ни с чем не сравнимое наслаждение: вот этот "тузик" маленький лежит рядом, улыбается тебе беззубой улыбкой, и ты его кормишь. Хотя, конечно, иногда устаешь смертельно и думаешь: "Господи, когда же я наконец выплыву?!" И ведь у меня еще есть нянечка-помощница.

— Профессиональные ограничения тоже наверняка возникли?

— Когда появляется ребенок, многими вещами приходится поступаться. Вот, например, я не смогла поехать в Одессу и написать сценарий Кире Георгиевне. Не хотела трястись по самолетам, жить в гостиницах, а хотела родить по-человечьи. Все-таки я отвечала не только за себя. Других ограничений тоже, конечно, навалом. Ты уже не можешь куда-то отклониться: у тебя есть якорь. И потом, даже куда и не хочется.

— Я слышу эти слова от светской львицы?!

— Что вы! Я теперь думаю: "Господи, какая еще вечеринка, зачем мне туда идти, только если под расстрелом!" Допустим, с чувством глубочайшей ненависти я могу куда-то прийти, но я беру себя в кулак, туло сию где-нибудь в углу, и меня не покидает единственная мысль: что я здесь торчу, если дома меня ждет моя кусечка, моя маленькая бразилетка...

— Духами "Красная Москва" вы по-прежнему пользуетесь?

— Их недавно реинкарнировали, немного упростили. Все дорогостоящие натуральные ингредиенты заменили на химические составы. Но все равно. Запах ведь связан с твоим детством, с прошлым, с теми людьми, которые уже ушли. Я помню, как назвалась какими-то старыми духами, и Рустам Хамдамов сказал: "Я не могу. Вы пахнете всеми покойниками, которых я знал". Он так страшно сказал, но на самом деле запах действительно несет память. Как будто умершие — рядом с тобой.

— Вы допускаете, что когда-нибудь перестанете быть блондинкой?

— Ой, допускаю! Я перестану быть блондинкой, я перестану быть молодой, я перестану быть. Поэтому всем нужно пользоваться сейчас. Особенно здоровьем, потому что когда-нибудь ты перестанешь выносить такой бешеный ритм жизни. Когда меня спрашивают, что нужно, чтобы добиться успеха, я говорю: главное — иметь хорошее здоровье. Ведь чтобы достигнуть чего-то в этой жизни, надо дико мало спать.

— Вы следите за своим здоровьем?

— Стараюсь. Я почти не курю. Пить тоже много не надо. Хотя я не люблю тотально непьющих людей. Есть в этом что-то глубоко неприятное. Знаете, такие, которые не пьют, мочой натираются — какая-то беда! На самом деле, чтобы хорошо выглядеть, нужно очень мало есть. Главное — не зажириться.

— Вы в курсе, что в связи с вечной тайной вокруг ваших замужеств поговаривали, что у вас романы с женщинами?

— Да? Ну и пусть. Эта тема как бы была у меня в повести "Обладать и принадлежать", которую Валера Тодоровский экранизировал в "Страну глухих". Валера этой темы избегал, хотя я считаю, что зря. В моей истории отношения глухонемой и слышащей нельзя назвать дружбой, там страсть. Глухонемая слишком сильно привязана к своей слышащей подруге и слишком сильно боится ее потерять. У нее просто пунктик, она хочет обладать ею во всех смыслах.

— А вы могли бы влюбиться в женщину?

— По-человечески я любила очень многих женщин. Когда я начинаю себя анализировать, то понимаю, что влюбленность в женщин у меня присутствовала всегда. Их легче любить, чем мужчин. Они намного тоньше, прекрасней, совершенней. Даже мои отношения с подругами сродни влюбленности. Хотя эта большая тема, я всегда дружила с такими девушками... как сказать — у них были грустные финалы. Одна стала совсем безумна. Другая, Светочка Коленда, с которой я снималась в фильме "Увлечение" у Кир Муратовой, выбросилась из окна. Ей было всего двадцать шесть лет. Не проходит и дня, чтоб я об этом не думала. Не могу понять: почему она так сделала? Но про это нельзя вот так — быстро, вскользь — рассказать.

— На мужчин вы раньше довольно снисходительно смотрели, или мне кажется?

— Даже не знаю. В снисхождении есть какая-то гордыня. Относиться к людям снисходительно — это неправильно. Хотя, может быть, во мне оно иногда присутствует, потому что гордыня — самый любимый грех у темных сил. Но я с собой постоянно борюсь.

— Расскажите про команду, с которой вы работаете в своем проекте.

— Там две женщины-продюсера — моя подруга Лена Яцура и я. Картина запущена на деньги Госкино и еще на кое-какие деньги. Снимает у нас женщина-режиссер — дебютант Вера Сторожева. И вообще очень много свежих, молодых парней и девушек дебютирует. В режиссуру я не вмешиваюсь. У нас был достаточно скрупулезный подготовительный период, и мы обо всем договорились на берегу.

— Говорят, что когда собирается много женщин, получается клубок целующихся змей. Вы верите в женскую дружбу?

— А это не дружба. Я верю только в любовь и в деловые отношения. В данном случае нас всех спланивает общее дело. Хотя я вообще считаю, что наступило время женщин. Они сейчас намного интересней. Даже кем-то подсчитано по звездам, что с 2004 года начнется матриархат, который будет длиться 50 лет.

— Как грустно!

— Ничего не грустно. Я даже рада!

Катя ПРЯНИК.

Митвакова Рената

10.11.01